

У телевизионного документального кино существует своя элита, свои классики, золотые имена и ленты. Марина Голдовская — член правления международной Ассоциации документалистов, заслуженный деятель искусств России, член телевизионной Академии ТЭФИ. Сняла больше 100 фильмов как оператор, около 30 — как режиссер. Вся стенка увешана призами, полученными на международных фестивалях

«КОШКА» для ГОЛДОВСКОЙ

**Документальные съемки — как хорошее вино.
Со временем становятся ценнее**

Многие, даже далекие от документального кино люди слышали по крайней мере о двух ее работах — «Архангельский мужик» и «Власть Соловецкая». Любители документального кино — как декабристы, узок их круг. Правда, живут почитатели Голдовской по всему миру.

Когда, окончив операторский во ВГИКе, Марина пришла на телевидение, это вызвало у коллег-мужчин ревность и усмешки. Операторы — народ с гонором, лихой. Говорили: молодая девка, что она может. И шли сплошные подколки. Постоянно думала: не тем занимаюсь, плохо снимаю.

— Зато прекрасно помню, как была горда, когда меня первый раз назначили на «паркетную» съемку: мне доверили снимать важное событие, значит, я профессионально гофусь на это. А про политику и не думала.

Однажды на телевидении произошло ЧП. Дочь одного из операторов вышла замуж за американца. Оператора, так дурно воспитавшего дочь, а главное, не сообщившего вовремя начальству о ее безнравственном выборе, выгнали из рядов КПСС. Что автоматически влекло потерю профессии. И лихие ребята-операторы на партийном бюро послушно проголосовали «за». Их было около ста человек товарищей и коллег. Поднять руку «против» означало бунт и изгнание с «волчьим билетом». Четверо посмели воздержаться. В том числе и законопослуш-

ная Марина. Тогда она и не подозревала, что лет через десять повторит поступок дочери опального коллеги.

Марина никогда не относилась к числу разоблачителей номенклатурных мифов, скорее считала трусихой, хотя снимала то из открытой двери не приспособленного к съемкам вертолета, то на уличных митингах под градом летящих камней.

Почти все Маринины герои, как и она сама, одержимы своей профессией.

— Каждый раз, делая картину, думаешь, что это в последний раз, столько она отнимает сил и приносит мучений. Говорят, что творчество — радость. Для меня — нет... Впрочем, вру. Делать фильм — это настолько невероятная, пьянящая радость, что она ни с чем не может сравниться. Может быть, только с наркотиками, хотя их не пробовала...

На каждый фильм у этой психикушей от любой ерунды режиссерши-операторши, работающей как пять мужиков вместе взятых, уходило столько сил и нервов, что потом необходимо было по полгода наполнять колодец — все пересыхало. Но сидеть совсем без дела она не могла. Выручала все та же хроника. Ей как оператору был нужен этот ежедневный тренаж. Работала на официальной хронике до 1984 года. Как-то на съемке неожиданно почувствовала, что больше не может, — стало резко противно: «Снимаешь заседания, не вслушиваясь, пропускаешь мимо ушей и вдруг понимаешь, что ты тоже участвуешь в этом вранье».

В начале перестройки ее, с детства знающую три языка, пригласили в Америку почтить курс о документальном кино. В результате она в третий раз вышла замуж и стала профессором Лос-Анджелеского университета.

— Мне в Америке жить не просто. Трудно все, начиная с климата. Очень не хватает зимы. Еда другая. Другой вкус... даже у картошки... Жизнь состоит из миллиона мелочей. И возникает этот пресловутый

прежние поколения. Наверное, сейчас иначе... Те берут меня за горло. Хотя получить от преподавателя все, что им нужно. Возникает чувство, что я им должна, должна, должна... Высасывают все. У меня не существует выходных, они звонят домой... ну это я сама их приучила.

— Что сейчас тебе интереснее — снимать, преподавать?

— Студенты меня питают и заряжают. Но главное все же — кино. Обычно приезжаю в Россию и начинаю как сумасшедшая снимать. Теперь решила перевести дух, остановиться и подумать. А можно ли снять в России светлую, веселую картину? Не знаю. Хочется какой-то оптимистической ноты, но пока не могу найти ее. У меня больше 300 часов российских материалов. Встречи, события, разговоры. Он не пропадет. Лю-

бые документальные материалы со временем приобретают историчность, как хорошее вино становятся все более ценными.

Марина — переводчик. Не с языка на язык, а с культуры на культуру. Обычно документальные фильмы, снятые у нас, не ясны зарубежной аудитории — слишком многое происходит по-разному, воспринимается по-разному, требует комментариев.

Картины Голдовской понятны и там и тут. Эмоциональные, полные наблюдений и деталей, они рассказывают о судьбах, а через них — о том, что происходило со страной. «Осколки зеркала» и «Повезло родиться в России» — видеодневники о смутности и надеждах начала девяностых. Жизнь нескольких поколений москвичей с Арбата — это «Дом с рыцарями». Вязкость и ощущение тупика в конце ельцинской эпохи — «Князь» — о наследнике, пытающемся отстоять юридические права и реставрировать родовое имение своих предков, от которого остались одни руины. От крестьянина-реалиста — пионера фермерства в «Архангельском мужике» — до странного князя-идеалиста. По ее фильмам в американских университетах изучают нашу новейшую историю.

Бывают художники, что-то рисующие в блокнотик даже в гостях.

Фотографы, не выходящие из дому без аппарата.

Камера Марины постоянно лежит у нее на плече, как ручная зверюга. (В последние годы, как кошка, техника совершенствуется.)

Марина Голдовская снимает кино всегда. «У меня словно ощущение миссии — я должна снимать, пока могу удерживать камеру в руках».